

ГОВОРЯ О ГЛАВНОМ

черкивали оба
де живающий
опыт художе-
ства видного ак-
тера с молодым

ТВОРЧЕСТВО Серго Закариадзе в этой роли достигает своего апогея. Можно ли играть ярче, глубже, тоньше, чем это делает он в новом спектакле Театра им. Руставели «В бурю»? Однако подлинная ценность актерского труда постигается в сравнении образа, созданного писателем, с творением артиста.

В повести Серго Клдиашили, на основе которой им самим написана пьеса, возникает разговор о том, как люди, вихрем революции выброшенные из обывательской колеи, пытаются найти себя в новой жизни. Одним это удается с трудом, другим и вовсе не удается. Есть среди последних смекалистый мужлан, владелец крошечного винного заводика, он особенно встревожен... Но вот наступает нэп, и Симон Чачиашили вновь почувствовал себя вольготным...

Образ временщика, описанный в повести, в исполнении Закариадзе вырастает в фигуру иного, куда большего масштаба. Трудно полнее представить самовозвышение этого ярого мещанина и с большей беспощадностью показать его исторически закономерный крах. Заостряя образ, актер как бы дополняет автора, снова подтверждая мысль о значении в искусстве театра самобытной ак-

терской природы, творческой энергии и мастерства исполнителя.

За последние годы яркий актерский талант Закариадзе достиг таких высот, как Прорицатель («Бахтриони» Д. Гачечиладзе по Важа-Пшавела), Тинибег («Лавина» М. Мревлишвили), Шуйский («Борис Годунов» Пушкина).

Образы эти, так же как и герой спектакля «В бурю», учили познавать прошлое, разоблачали его страшные приметы или, наоборот, помогали воспеть красоту души народной. Но, увы, среди них не было того, кому хотелось бы довериться полностью, примеру которого хотелось бы следовать сегодня.

Можно ли в этом винить актера?

Вряд ли. Помнится, еще совсем молодым, играя одного из молодых комсомольцев, актер создал лицо с «необщим» выражением. Уже в зрелые годы Закариадзе с подлинным блеском сыграл человека-труженика (рабочий Доментий «Из искры...» Ш. Дадиани). А какой доброй силой и удалью веяло от его колхозного жениха Джибило, который, стремительно преодолевая собственную «деревенскую» нескладность, начинал ступать шагом достойного хозяина обретенной земли («Свадьба колхозника» П. Какабадзе).

Так постепенно в биографии актера обретали и все

большую ясность и весомость образы современников, обогащая, возвышая актера и обнаруживая не только новые грани его таланта, но и огромные его потенциальные возможности. Однако поиски эти тем не менее велись, как правило, от случая к случаю.

Шли годы, и время свело актера с молодым драматургом. Образ партийного руководителя — героя пьесы Р. Табукашвили «Товарищ Георгий» явился плодом их творческого сотрудничества. О современнике им хотелось говорить восторженно и страстно, не сглаживая остроты проблемы, показать его в гуще жизни, в схватке застрашного со вчерашним.

Зрители увидели пьесу, хоть и далекую от совершенства, не свободную от очевидных издержек, но ощутили волнующий образ человека наших дней, воссозданный с подлинной страстностью. Наблюдая за Георгием — Закариадзе, районные будни которого проходили далеко от комфортабельного кабинета, глядя на вдохновенные глаза этого беспокойного, деятельного человека в сапогах с красной глиной чайных плантаций, вспоминались памятные строки Ципичева:

Земля от яблони бела,
И годы впереди ясны...
Решать партийные дела

Нельзя, не чувствуя весны.

Вот главное ощущение, которое рождалось от игры Закариадзе.

Передо мной — «Очерки о театре и драматургии», написанные Георгием Ципишвили (издательство «Хеловнеба», 1960 г.).

Трудно не согласиться с автором, что по своей жизненной достоверности главный персонаж пьесы молодого драматурга, несомненно, наиболее яркий из образов партийных руководителей, созданных в грузинской драматургии последних лет, обретший в исполнении Закариадзе подлинный пафос жизнеутверждения.

Но как же сложилась дальнейшая судьба «Товарища Георгия»?

Несомненно, положительные стороны пьесы в один «прекрасный» день вдруг были поставлены под сомнение. Не слишком ли обостренно показана борьба Георгия с тунеядцами и очковитателями? А нужна ли сцена, когда Георгий со всей страстностью обрушивается на тех, кто в погоне за рекламной строит стадион руками колхозников, забывая о главном? Так ли это характерно? Эти и другие «почему» и «верно ли», по существу, за-

драматургом, опыт, сулящий новые творческие открытия на главном направлении. Сначала пьеса выпала из списка декадных спектаклей, а потом и вовсе из репертуара.

Так почему же мы вспомнили об этом, поразмыслив о новой работе актера?

Потому, что мы, которые так искренне ратовали в игре Закариадзе, воссоединив впечатления, полученные за пять лет, с особой остротой ощутили потребность увидеть такого актера в образе своего современника. Задумались над тем, почему же в развитии главной темы в творчестве Закариадзе обрелась такая пробела, богатая чувством времени природа актера не привлекала до сих пор особого внимания драматургов.

Таланты М. Г. Савиной, Н. Х. Рыбакова, В. Ф. Комиссаржевской, Нат. Габуниа вдохновляли Тургенева, Островского, Чехова, Ак. Церетели. Неделимый успех актрисы и автора пьесы, написанной для Юлии Борисовой, закономерен.

Среди путей утверждения темы современности есть один недостаточно пока еще используемый, но достойный внимания — путь, призывающий писать роли наших современников для актеров, того заслуживающих. А Закариадзе, несомненно, заслуживает.

М. ГИЖИМКРЕЛИ.
ТБИЛИСИ.

фоны: секретариат редакции К 7-36-22; отдел информации К 7-56-67 и К 7-40-71; отдел генерального строительства К 7-11-84 и К 7-16-24; отдел пропаганды и науки К 7-18-19; отдел изданий К 7-23; отдел профсоюзной жизни К 7-29-09; отдел оформления К 7-69-05; издательство К 7-1

афия «Гудок». Москва, ул. Станкевича, 7.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. МОСКВА

1 АПР 1961